

A painting of a woman in a purple dress holding a glowing orb in a field of flowers. The woman is seen from the back, looking down at a large, glowing orange and yellow orb she is holding. She is wearing a long, flowing purple dress with a white ruffled collar. The background is dark with scattered pink and purple flowers and some red flowers in the foreground. The overall mood is mysterious and ethereal.

Анна Таятри

Трёзы

Избранное

Анна Гаятри

Грёзы. Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42831907

ISBN 9785449697929

Аннотация

Я с детства пишу стихи и сказки. Однажды в школе мне в дневник записали красными чернилами такое замечание: «Девочка на уроке витала в облаках». Так я и жила на самом деле – в двух параллельных мирах, в реальности и в своей фантазии. Из переплетения этих двух миров и родились мои стихотворения, сказки и даже моя живопись. Я очень люблю рисовать: кистью, карандашами и... словами. Приглашаю моих читателей к Сотворчеству!

Содержание

ВО СНЕ И НАЯВУ	5
СНОВИДЕНИЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Грёзы Избранное

Анна Гаятри

© Анна Гаятри, 2019

ISBN 978-5-4496-9792-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВО СНЕ И НАЯВУ

Рассказы

«В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье...»

М. Ю. Лермонтов

ЗЕЛЕНАЯ СТЕНА

Маня пришла из школы с очередными замечаниями в дневнике. «Девочка опять рисовала на парте», «Девочка была невнимательна», «Маша была опять не готова к уроку». И еще одно: «Девочка на уроке витала в облаках». Она не боялась этих красных записей, – никто не читал их, никто ее не ругал. Она была счастлива, когда вышла из школьных дверей на тихую улицу, и мир орущих, бегающих, деру-

щихся детей остался позади. Она была счастлива, когда шла домой, – конечно, по волшебной дороге, в сопровождении невидимого доброго сказочного дедушки, который любил ее и оберегал.

Дома, в крошечной комнатке коммуналки, на диване спал отец, а на полу, возле свесившейся его руки, стояла почти пустая бутылка водки. Мама была на работе, и придет не скоро, когда на улице будет совсем темно и яркой белизной на фоне черного неба высветится крест окна.

Бросив портфель, Маня вышла на кухню. Там все было в дыму, а соседка орудовала кастрюлями и сковородками возле плиты. Какой-то незнакомый мужчина сидел возле стола, на котором стояли тарелки и бутылки. Он бросил тяжелый взгляд на Маню, и она потихоньку отступила за порог. Снова зашла в комнату. Отец храпел, и тонкая струйка слюны стекала в уголке рта. Вдруг, словно почуяв Манин взгляд, он встрепенулся, вытаращил на нее свои красные глаза. Она замерла, застыла, боясь вздохнуть. Но он только перевернулся, застонал, и впал в забытие. Она тихонько скользнула за дверь, побродила по темному узкому коридору. Подошла к двери туалета, включила свет и юркнула внутрь. Быстро закрыла щеколду. Тишина. И огромная светло-зеленая стена перед ней. Маня коснулась ее руками, – стена была прохладной и влажной. Девочка улыбнулась. Ей представилось, что она оказалась в сказочной стране. Водя пальцами по стене, она ощутила множество клавиш на ней, нажимая на ко-

торые можно было извлечь прекрасные звуки. И Маня начала играть. Быстро-быстро перебегая пальчиками по клавишам, она слышала величественную мелодию, которая уносила ее в совершенный мир, где всегда было тепло и солнечно, где все любили ее, и она любила всех, где жили добрые говорящие звери и милые волшебные существа. Пальцы легко перемещались вдоль холодной стены, и торжественные звуки наполняли сердце радостью и покоем. Мане казалось, что она летит, и она даже тихонько запела, но тут в ее музыку ворвался грохот и грубые крики. Она испугалась и не сразу сообразила, что происходит. В дверь стучали, ручку дергали, все ходило ходуном. Трясушимися руками отодвинула она щеколду.

И тут ее резко выдернули из волшебной страны, схватив за плечо и вышвырнув в коридор. Отец дал ей затрещину, что-то проорал ей и скрылся за дверью. Девочка тенью проскользнула по коридору и вышла из квартиры в парадную, а затем на улицу, где уже темнело и загорались огни в окнах. Люди сновали вокруг, болтали, смеялись, бежали по своим делам. Маня нашла свое привычное место, где она всегда ждала маму. Мама придет, накормит ее и уложит спать. Ничего не спросит, ничего не расскажет. Она будет, как всегда, ругаться с папой. А потом выпьет с ним вместе и начнет хотать неизвестно отчего. А потом они или уйдут к соседям, или вообще куда-то далеко-далеко, где Маня еще не была. У них столько своих дел! А Мане будет приказано спать. Она

будет тихо лежать в кровати, пытаюсь не думать об ужасных клопах, которые будут ее кусать, и от которых потом будут чесаться ноги. Стараясь не думать о темноте, которая окружает ее со всех сторон и в которой спрячутся чудовища.

Маня стояла на улице. Ее фигурка съежилась под желтыми лучами фонарей. Она настроила свой слух на мамины шаги, которые она узнает из тысячи шагов других прохожих. Все ее существо застыло в ожидании. А мыслями она перенеслась в волшебную страну. В следующий раз, может быть, завтра, она обязательно снова спрячется в туалете. Она возьмет туда свои разноцветные мелки, которыми весной она часто рисует на асфальте. И она сделает такой чудесный подарок – и своей маме, и соседям! Как они удивятся, как ахнут от восхищения, когда увидят прекрасную картину на светло-зеленой стене, – картину, которую она, Маня, сотворила для них! Она вложит в нее все свое сердце! И все изменится. Все изменится... Ее сердце гулко застучало. Шаги. Знакомые шаги.

– Маня, ну чего стоишь? Идем.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

«Колокольчики мои, цветики степные,
Что глядите на меня, темно-голубые?»

И о чем звените вы в день веселый мая,
Средь некошенной травы головой качая?»

Алексей Толстой

Иногда мама рисовала. Это случалось редко, и Маня любила наблюдать за ней из своего уголочка. Сначала был белоснежно чистый лист бумаги, а потом он заполнялся цветными пятнами, и вот Маня уже различала очертания вазы, а в ней один за другим распускались нежные цветы на тонких зеленых стеблях. Маня жадно следила глазами за движениями кисти, и ей казалось, что это рисует она. У самой Мани были только цветные карандаши, которые вечно ломались. Она любила держать в руках эти разноцветные палочки, любила водить ими по бумаге. Но получались какие-то каракули. Вот если бы попробовать красками! Но мама красок ей не давала. «Научись сначала рисовать, – говорила она. – Для этого и карандашей достаточно».

Однажды мама вышла из комнаты, и Маня, охваченная внезапным порывом, подошла к ее картине, взяла кисточку, обмакнула в краску и стала замороженно водить ею по бумаге. Она рисовала цветы. Вернее, дорисовывала то, что мама уже успела изобразить. Она макала кисточку то в синюю, то в красную, то в желтую краски, и с наслаждением наблюдала, как яркие огромные цветы расцветают на фоне ясного неба. Маня чувствовала себя волшебницей, а из-под ее руки рождался новый чудесный мир. Она и не заметила, как вернулась мама.

Мама ахнула, закричала на Маню, выдернула у нее из рук кисточку. «Никогда!! Не смей! Трогать мои краски! И рисовать на моих картинах! Ты все, все испортила!» В гневе она разорвала картину, а когда Маня, заплакав, хотела обнять маму и попросить у нее прощения, оттолкнула девочку. «Уйди! Не трогай меня! Не хочу с тобой разговаривать! Взяла и все испортила! Научись сначала рисовать, художник!». Маня тихонько ушла в свой уголок, достала листок бумаги и принялась чертить на нем что-то своими карандашами.

А на следующий день, когда Маня была в детском саду, случилось чудо. Она нашла на полу листочек, на котором простыми цветными карандашами были нарисованы ослепительно-красивые цветы. Колокольчики. У Мани захватило дыхание. Она смотрела на светло- и темно-голубые головки цветов, и ей казалось, что они легонько покачиваются под порывами ветра, и тихо-тихо звенят. И тут ее озарило. Она возьмет этот листок себе, спрячет, и принесет домой. И покажет маме. И скажет, что это она, Маня, так нарисовала! И тогда мама, конечно, даст ей краски, и разрешит водить кисточкой по бумаге, и Маня снова создаст свой удивительный мир!

Так она и сделала. Сложила листочек вчетверо, положила в кармашек, и вечером с гордостью раскрыла его перед мамой. «Смотри! Это я, я нарисовала! Тебе нравится?» – и девочка с надеждой и ликованием заглянула маме в глаза.

Мама с недоумением разглядывала рисунок. «Где ты это

взяла? Что ты плетешь небылицы? Так я и поверила, что это ты», – фыркнула она насмешливо. «Это я! Сегодня, в детском саду! Тебе нравится?». Мама строго поджала губы: «Хорошо. Предположим, что я поверила. Если это и правда ты нарисовала, значит, сможешь и повторить. Бери свои карандаши, садись и рисуй. И чтобы было точь-в-точь. Точь-в-точь, как здесь. А не сможешь, тебе хуже. Терпеть не могу вранья!»

Сжавшись, Маня прошла в свой уголок. Она очень устала сегодня, ей хотелось просто поиграть. Но она послушно села за стол, взяла карандаши и стала очень-очень стараться. Терпеливо перерисовывала она выющиеся линии цветов, пытаясь наполнить их цветом и жизнью, чтобы также зазвенели они на ветру. Время тянулось очень медленно. Маня слышала, как тикают часы. В глазах все туманилось, рука с карандашом двигалась как во сне, и сердце сжималось от страха. Она очень старалась, но колокольчики выходили кривыми, и цвет у них был не ярким, а тусклым. Штрихи выходили грубыми и упрямо вылезали за контур. Маня терла и терла листочек резинкой, пока бумага не сморщивалась, и от резинки оставались грязные пятна. Маня трудилась, боясь остановиться, и терпеливо слюнявила кончики карандашей, чтобы сделать цвет поярче. Во рту оставался странный горько-кислый привкус грифеля. А потом снова вступала в работу резинка. И вот, когда на мятом листочке уже начала просвечивать дыра, мама неожиданно оказалось рядом и резко вы-

дернула рисунок у нее из-под руки.

– Художник! – насмешливо произнесла мама. – Выпороть бы тебя за вранье! Но уже поздно. Соседи спят. Марш в постель! И чтоб я тебя не видела и не слышала! Лгунья.

Мама скомкала оба рисунка и отправила в мусорное ведро. А Маня быстро разделась и юркнула под одеяло. Она пыталась не заплакать, но слезы упрямо ползли по щекам. Мама выключила свет, и на стене заплясали страшные тени. Маня тихонько натянула одеяло на голову. Наступила полная тишина, только громко со скрипом тикали часы. Слезы текли и текли, и Маня чувствовала себя очень плохой, дурной, ей хотелось просить прощения, обнять маму, поцеловать ее, и увидеть, что она простила ее и снова любит. Но мама спала, и нельзя было ее будить. Завтра, завтра Маня будет просить прощения, и обнимать, и целовать ее. Завтра, завтра...

Всхлипнув, Маня уткнулась носом в мокрый угол подушки и уснула. Она шла по полю из голубых колокольчиков. Цветы сияли под лучами солнца и мягкой волной покачивались на ветру, и нежно-нежно звенели. И тут появилась мама. Она шла сердитая и строгая, и била ремнем по колокольчикам. Цветы осыпались, нежный перезвон их затихал, сменяясь протяжным гулом. «Нет! – горестно закричала Маня. – Мама, не бей! Я больше не буду!». Но мама не слышала ее. Она шла, твердо поджав губы, и все хлестала и хлестала ремнем. И вскоре только стебельки качались на ветру. Солнце погасло. И Маня погрузилась в темноту.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

«Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал», – пела бабушка, ласково похлопывая лежащую под одеялом Маню.

Теплый свет ночника окутывал сумеречную комнату, а добрый спокойный взгляд бабушки проникал в самое сердце Мани, в котором сквозь корочку льда и боли пробивались нежные ростки радости, словно крохотные фиалки.

«Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал»...

Маня закрыла глаза, и ей представился заснеженный город. Она идет по обледенелой улице, мороз щиплет нос и щеки. И вот она входит во двор, идет к низкому окошку и заглядывает внутрь. И вдруг обнаруживает себя там, внутри, сидящей на диване. Она еще совсем маленькая. Сидит и смотрит, замерев от ужаса, как папа яростно налетает на маму, кричит ей что-то грубое и размахивает кулаками, и бьет ее. А мама отбивается и плачет. А потом у нее разбились очки, и стекла разлетелись по всему полу. И Маню охватывает такой стыд, что ей хочется кричать, но крик снежным комом застывает в груди. Как же мама теперь без очков? Ведь ей ничего не видно! И Маня начинает тихонько плакать от своей беспомощности. Она не знает, как помочь, как спасти, она

такая маленькая и слабая, и поэтому маме плохо... И тут все затуманилось, метель бросила ей в лицо снежные хлопья, и она снова брела по заледенелой улице...

«Боже, говорит малютка: я замерз и есть хочу.

«Кто ж накормит и согреет бедну-добру сироту?»»

Голос бабушки звучал тихо, словно издалека. И Маня вспомнила, как в тот далекий вечер папа, наконец, ушел, а мама одела ее и повела на вокзал. Они шли по ночным пустынным улицам и плакали вместе, и слезы замерзали на щеках. И мама тогда удивленно спросила Маню: а ты-то чего плачешь? А потом они долго-долго ехали на поезде, и Маня смотрела в окно на огромный желтый диск луны, который плыл по зимнему небу. Перестук колес успокаивал, приносил забвение, как и бабушкино ласковое похлопывание.

«Шла старушка той дорожкой, пожалела сироту»...

Они ехали долго-долго. А потом приехали к бабушке. Маня никогда раньше не видела ее. Но мама сказала, что Маня теперь будет тут жить. Придет время, и тогда ее заберут обратно, в город.

Мама уехала, и вначале Маня много плакала и скучала. А потом она стала погружаться в тепло и уют бабушкиного мира. И сердце потихоньку, капля за каплей, начало оттаивать. Нет, ничего не забылось, и всполохи воспоминаний порой резали сердце словно ножом. Но все обволакивалось нежным дуновением доброты. И боль стихала.

«Приютила и согрела, и поесть дала ему»...

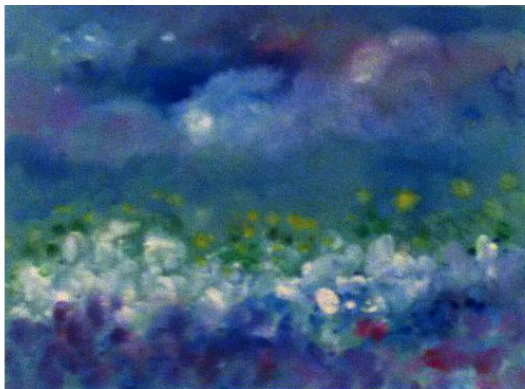
На улице бушевала метель, дули злые ветры. Но в душе девочки начиналась весна. Оттепель, с первыми цветами, робко вылезающими из-под снега навстречу солнечному свету.

«Спать в постельку уложила. Как тепло! – промолвил он. Закрыв глаза, улыбнулся. И заснул спокойным сном»...

Маня вздохнула и улыбнулась во сне.

СНОВИДЕНИЯ

Поэтическая проза

«Но вот настала тишина,
И, будто бы во сне,
Неслышно девочка идет
По сказочной стране...»

Дьюис Кэрролл

Я задул свечу и вышел на улицу.
Там светило солнце...

Я распахнул свое сердце,
словно окно.
И вместе с ветром в него залетели ласточки,
И свили гнездо.

Теперь я пою колыбельные птенцам

И укачиваю их в мягком ритме своего сердца...

Закутываясь в красоту созданного тобою небытия, ты поглощаешься нежностью... Теплым одеялом домашнего уюта, овечьего терпким ароматом чая с цедрой апельсина, – ты погружаешься в давний сон, в дивную ткань, сотканную из соцветий радуги... мелких брызг и солнечного ветра...

И в этом вихре звезд, галактик и вселенных ты рождаешься, словно тебя и не было раньше, ты обретаешь Землю... или как там называют люди эту невероятно круглую, непостижимо далекую планету... уйдя с которой, ты можешь лететь в серебристые дали вечности...

Цветок

Я заглянула в цветок, в самую глубину его золотой чашечки, и увидела себя, идущую по Золотой Тропе Познания, в глубь, самую глубь. На один миг закружилась голова, на одно мгновение стало темно вокруг, но сердце, наполненное любовью, вело меня дальше и дальше, глубже и глубже. На один всего лишь миг я закрыла глаза, – миг сомнения и печали, – но, открыв их, я увидела зеркало – а в нем стояла

маленькая девочка с сияющей короной на голове.

В руках ее была чаша с кристально чистой водой. Она протянула ее мне, и я приняла этот чудесный дар, и сделала один глоток. Зеркало растаяло... и я почувствовала аромат цветка. Я была в самой глубине, в самом центре золотой чашечки...

На золотом лепестке

На золотом лепестке древнего сновидения приплыла ко мне девочка и сказала:

– Я пришла, чтобы учить тебя...

И была она словно поцелуй ветра, в чудесном легком платье, озаренная сиянием золотистых волос.

– Кто ты? Ангел?

– Нет... Разве ты не узнаешь меня?

Я взгляделась в большие, темные, по-детски удивленные глаза. И узнала свою печаль, и свое одиночество. Мне было пять лет.

– Чему же ты научишь меня?

– Быть тем, кто ты есть.

– А сейчас – я не та, что я есть?

– Не совсем... Ты забыла.

Она протянула ко мне руку ладошкой вверх, и я увидела

на ней розовую спираль ракушки.

– Возьми, – улыбнулась она, и откуда-то издалека донесся до меня запах моря и прохладный ветер окатил меня волной соленых брызг.

Я взяла ракушку и приложила к уху, и в тот же миг оказалась в толще воды, пронизанной мягким солнечным светом. Я не была больше собой, у меня не было моего привычного тела. Я стала невесомым прозрачным существом, стремительно скользящим в водном потоке. Голубая прохлада и легкое колебание водного пространства, мерцающие блики света заворожили меня, и я почувствовала необъяснимую радость. Кем я была – я не знаю, но я чувствовала себя частицей этого необъятного моря, вечно подвижного и изменчивого. Теплые потоки сменились холодными, и я устремилась вверх, вслед за ускользящим светом. Долго-долго плыла я вверх, наполняясь все большей радостью, и внезапно взлетела над морем, в залитую расплавленным светом солнца синеву небес. Сердце мое переполнилось чувством блаженства и... раскрылось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.